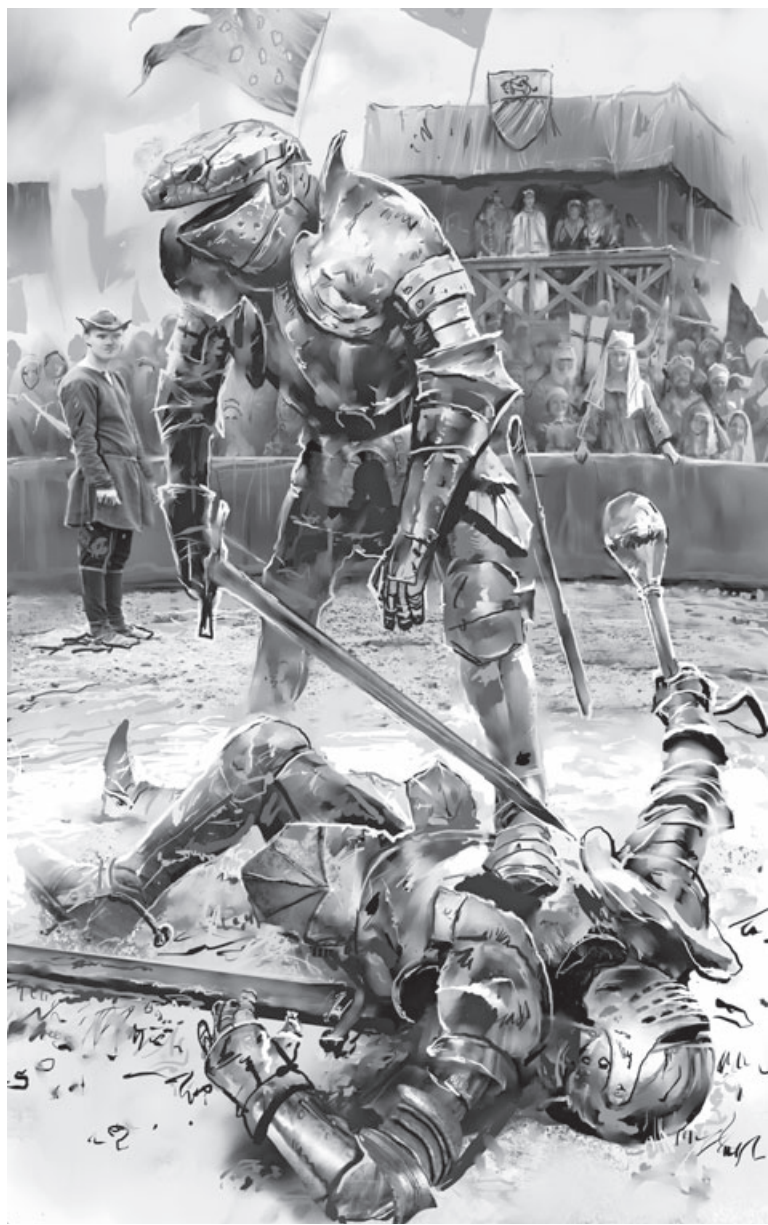

Оксана Глинина

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Оксана Глинина

Янтарь на снегу

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2020
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г54

Серия основана в 2011 году
Выпуск 513

Художник
М. Поповский

Глинина О. В.

Г54 Янтарь на снегу: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3026-0

Королевский отбор — дело хлопотное и нелегкое. Тут тебе и король в единственном экземпляре, и соперниц целая дюжина, и заговоры с интригами в непомерном количестве. Скучать точно не придется, особенно если тебя все время норовят подставить или, еще хуже, убить. Но когда один грозный канцлер усиленно точит на тебя зуб, совсем не до смеха. И кто бы подсказал, что делать?

Конечно же нужно срочно очаровать и влюбить его в себя. Только с куртуазностью у тебя не очень ловко, и, вместо того чтобы влюбить, ты влюбляешься сама.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Глинина О. В., 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3026-0

ПРОЛОГ

Тетива лука впиалась в тонкие пальцы так, что даже на огрубевшей коже проступила кровь, но он не чувствовал боли. Запах гари разъедал носоглотку, пот застилал глаза, а сердце превратилось в кузнечный молот и колотило, как по наковальне, отчего в ушах стоял гул, будто сотни труб загудели одновременно у него над головой.

Время перестало существовать с тех пор, как прошла вечность — или всего несколько секунд после того, как их глаза встретились. Мир перестал вращаться, все перестало двигаться и жить. Он перестал дышать, будто умер, и только сознание старалось вместить в себя причудливый танец всепожирающего пламени. Все остальное сгнуло в плотных клубах дыма.

Застывшее, как в кусочке янтаря, время не смогло остановить огонь, с жадностью обгладывающий дом, словно зверь, вырвавшийся на свободу после сотен лет заточения. Если бы он смог отвести взгляд, его глазам открылась картина — гаснущие огоньки людских жизней, сгорающих, как мотыльки, тщетно пытаясь укротить многоязыкое чудовище.

Но для него и для убийцы это не имело никакого значения. С той секунды как они встретились и посмотрели друг другу в глаза, и правда прошла вечность... или несколько мгновений?

Убийца понял, что сейчас умрет, ведь сегодня — особенный день. Кончики пальцев покалывал знакомый холодок, а сердце радостно пело в ожидании скорой развязки. Он встретил наконец равного себе, только еще не окрепшего, не обретшего смертельной хватки щенка. Но он чувствовал в юной руке стрелка сталь убийцы, только глаза были неумолимо честны: они выдавали все мысли, все, что творилось в душе. А это неправильно...

Ничего, это можно исправить: у убийцы был козырь в рукаве, и он не упустил возможности его продемонстрировать, отбросил полу плаща так, чтобы стрелку открылось тщедушное тельце в ночной рубашонке.

Да! Убийца не сомневался в том, что сегодня особый день, ведь стрелок не промахнется... он просто не имеет права на промах. Он испытывал удовольствие от легкого, едва осязаемого смятения мальчишки, смаковал его, как редкое дорогое вино.

Убийца был счастлив.

Столько лет он ждал этого момента, сбился со счета и перестал вспоминать лица своих жертв. Не было дня, чтобы он не пополнил длинный список, не отнял чью-то жизнь. Он всегда жил, ни о чем не жалея, так как его чувства давным-давно иссякли, закаменели, превратились в набившую оскомину жажду предстоящей охоты и потерявшую сладость радость добычи. И вот пришел этот час — он встретил достойного, который не промахнется.

Убийца был рад.

Сегодня он умрет. Только надо помочь мальчишке решиться, иначе он снова разочаруется и окончательно уверится в том, что сильнее его никого нет, в мире остались одни слабаки, достойные того, чтобы их загоняли и били, как дичь.

Полудобнее перехватив рукоять кинжала, убийца вдавил лезвие поглубже в плоть, так, что на полупрозрачной коже проступила кровь и тонкой струйкой потекла по худенькой незащитной шее, окрашивая воротник белой ночной сорочки алым цветом. Тельце в руках обмякло.

Стрелок не мог больше медлить. Вечность уронила последнюю песчинку в чашу небытия, и ожидание неизбежного закончилось. Он выпустил стрелу — с израненных пальцев сорвались капельки крови. Еще одна тысячная доля секунды, пока стрела летит в цель...

У стрелка была надежда, что путь к этому мгновению он прошел не зря, ведь если в сердце нет веры — не будет и чуда. Это так важно — верить!

У убийцы не было ни веры, ни надежды. Он давно презирал эти проводники самообмана и покорности, поэтому последний удар оставил за собой, утверждая им высшее таинство мира: жизнь — тюрьма, а смерть — освобождение.

Стрела проломила череп, рассекла мозг и вышла наружу из затылка. Тело, не выдержав силы удара, изогнулось как тряпичная кукла.

Пот разъедал глаза, от боли выступили слезы.

Стрелок несколько раз моргнул, прежде чем зрение проянилось. Убийцы на месте не оказалось. Но наемник был ему неинтересен. Гораздо важнее другое: на него все еще смотрели полные мольбы детские глаза. Живые глаза!

Призрачная надежда на удачу... радость, которую стрелок почувствовал от того, что цель достигнута. Он не сумел спасти дом, маму и братьев. Пока орудовали бандиты, он трусливо прятался под кроватью, а должен был выйти и вступить в бой. Только как одолеть врага, если тебе всего одиннадцать?

Лук одного из старших братьев оказался очень тяжелым, но пришелся кстати.

Она жива. Шрам от кинжала, наверное, останется, но это не страшно.

Он справился! Отец гордился бы им.

И пусть его мир рухнул. Это не важно. Пусть вместе с миром его душа провалилась в огненный ад. Главное, что надежда на удачу и вера в себя его не подвели. Сестра осталась жива — это единственное, что он сумел сделать. Да убоятся теперь его все йодасы нави — у него есть лук.

В нави он задаст жару!

Вынырнув из дурного сна, как из затягивающего чумного болота, он почувствовал, что все его тело — мокрое и липкое от пота. В дверь комнаты кто-то отчаянно стучал. А ему все еще чудилось, что это бой набата. Проклятый сон из прошлого!

— Лорд Вардас... — К стуку присоединился настойчивый голос: — Лорд Вардас!

Да что ж такое-то? Ночь сегодня не просто плохая — отвратительная.

— Что стряслось? — соизволил он наконец отпереть дверь и впустить слугу.

— Лорд Вардас! — Лорд даже поморщился от звучания собственных титула и имени. Он никогда себя не причислял к лордам, более того, полжизни прослужил в храме Брексты. Подобострастное обращение ничего, кроме отвращения, не вызывало.

— Он дал ответ... — выпучив глаза, шепотом произнес ночной гость.

— Кто? — Только что вынырнувший из сна Вардас сразу не понял, о чем идет речь. Но смысл сказанного наконец разорвал вязкую дрему.

— Тот, кто сидит в Северной башне.

Ох уж эти предрассудки! Умирают отдельные люди, умирают целые королевства. Но предрассудки, страхи, суеверия остаются прежними и живут вечно.

— А еще он требует вас к себе. — Слуга в страхе попятился от Вардаса, будто ожидал, что господин побьет его за такую новость.

— Хорошо, — сонно кивнул лорд и хотел вытолкать слугу за дверь и поспать оставшиеся часы до рассвета, а там можно будет и в башню наведаться.

— Сейчас... — испуганно пролепетал гость.

— Как сейчас? — Вардас удивленно замер. — Он в курсе, который сейчас час?

— Он потребовал вас сейчас. — Слуга посмотрел так, будто лорд приговорен и уже никогда не вернется из злосчастной Северной башни. — Иначе ничего никому не скажет.

— Передай ему...

— Умоляю! — взмолился прислужник. — У него взгляд, будто он все нутро видит, прямо душу наизнанку выворачивает... а у меня жена, дети... Он так и сказал — только с темным лордом говорить буду и ни с кем боле...

Вардас опять недовольно поморщился от причитаний.

— Иди уже, — махнул, наконец, рукой. — Я разберусь.

— Спасибо! — поклонился слуга. — Храни вас могучий Дей... ой, храни вас... как ее... Темная.

Вардас закатил глаза, а его гость уже улепетывал по коридору восвояси.

В Северной башне лорд появился через четверть часа. Пришлось плеснуть в лицо воды, чтобы окончательно проснуться. Не стоило испытывать терпение жреца грядущего.

Предсказатель был бодр, как будто ночь — его любимое время суток.

— О, вы пришли, мой темный лорд, — поклонился высокий худощавый мужчина, из-за чего его длинные волосы колыхнулись, как шелковые портьеры.

— Давай без всех этих церемоний, — устало отмахнулся Вардас. — Что творится? Ко мне посреди ночи ворвался на-

смерть перепуганный слуга и понес что-то невразумительное о том, что меня вызывают в башню сию же минуту...

Лорд устало опустил в кресло.

— Какого йодаса ты творишь? — Он потер уставшие глаза. — Зачем ты их пугаешь и заставляешь тебя бояться?

Высокий человек тихо рассмеялся и присел напротив гостя.

— В их понимании, если мне подвластно больше, нежели другим людям, я не совсем человек.

— Тебе подвластно время, — пробурчал Вардас. — Это знают все.

— Не совсем, — поправил его собеседник. — Мне подвластно видение будущего, а значит, я могу предупредить об опасности или, наоборот, — предсказать радость. Я могу попытаться изменить ход истории, рассказав о путях и перекрестках на необъятной дороге человеческого бытия. При взгляде на человека я могу все о нем сказать. К примеру, впервые за несколько ночей тебе сегодня удалось прилечь, но спал ты недолго...

— Я тебя умоляю! По мне и так видно, что я давно нормально не спал.

— Или вот что тебе снилось сегодня?

— Прекрати! — Вардас раздраженно отмахнулся.

— Увы, я не в силах изменить прошлое.

— Зачем ты меня позвал, Ауру? — Лорд пристально посмотрел на собеседника.

— Мне надо кое-что тебе сказать. — Тонкие черты лица, напоминающие искусную резьбу по кости, под твердым взглядом черных глаз застыли в озадаченной гримасе.

— Так говори.

— Я знаю, как решить нашу проблему.

— Ты это увидел в будущем? — Вардас оживился, его раздражение ушло, как дым.

— Я увидел женитьбу нашего короля. Именно этот брак станет решением проблемы.

— Не томи, Ауру! — Вардас нетерпеливо подался вперед. — Вечно ты со своими заморочками. Если брак Витгерда должен положить этому конец, так тому и быть. Только почему ты вызвал меня, а, к примеру, не его. Он король, вот пусть и решает, как поступить.

— Э-э, подожди, мой друг. — Хозяин покоев встал, подошел к окну и распахнул его, впуская в душную комнату прохладный ночной воздух. — Ты слишком нетерпелив, а такое

деликатное дело требует времени и предельной аккуратности. Невеста должна быть не одна.

— Это как? — Лорд озадаченно наклонил голову.

— Вот так — король должен сам выбрать девушку.

— Какова причина такого решения? — Внешне лорд Вардас оставался спокойным, но по тому, как нетерпеливо мужчина сцепил руки, было件нятно, что он нервничает.

— В нашем деле причина может быть одна — установление равновесия.

— И женитьба Витгерда все решит?

— Я назову имена, а твоя задача организовать все, как надо.

— Ауро, это глупо! — Вардас поднялся из кресла. — Начнутся свары, местничество, споры о первенстве родов... В конце концов, я не сводник!

— Вот именно! — Оракул оставался спокойным. — Однако ты пришел ко мне с просьбой решить проблему. И вот теперь, когда я наконец нашел способ — ты пятишься назад, подобно озерным усачам.

— Хорошо. — Слова предсказателя подействовали на Майло успокаивающе, он сел обратно в кресло и произнес:

— Давай выкладывай, что ты там напридумывал.

Оракул шумно вздохнул, но отпираться не стал.

Через несколько часов Майло Вардас — канцлер Латгельского королевства, первый советник короля Витгерда, а по совместительству его родной дядя, бодрым шагом покинул покои предсказателя. Будто бы не было стольких бессонных ночей и изматывающих, заканчивавшихся ничем, переговоров на Совете Высших Домов, не было стычек с приграничными государствами, желающими урвать себе куски от королевства, и без того трещавшего по швам из-за тщеславия и недалекости предыдущих монархов, не было вспышек восстаний в обедневших провинциях и постоянно назревавших конфликтов с эльфами, которые сами же эти конфликты и провоцировали. Сегодня — впервые за двадцать пять лет смут и распрей — у него появился шанс все исправить, вернуть равновесие в мир, переживший Великий разлом. Но для этого всем придется пройти нелегкий путь и каждому заплатить свою цену.

Майло Вардас был воином и привык вести переговоры с такими же, как он, послами и стратегами, а вот как вести переговоры о сватовстве, он не представлял. Что ж, никогда не поздно начать учиться. Вопрос в том, как убедить молодого и упрямого Брэггитаса включить в список претенденток на корону свою давно умершую кузину!

ГЛАВА 1

Все начиналось, как обычно: утром не обремененные земными тяготами птицы пели залиvistые песни. В южных провинциях Великого княжества Латгельского холода наступали намного позже, поэтому до середины осени птахи даже не помышляли о теплых краях. Зато такое неудобство как жара, время от времени сдabриваемая некоторой порцией дождей, докучало довольно долго. Рядом с ветхой каменной стеной монастыря протекала речушка, постепенно переходящая в топкое болото, из-за чего духота, особенно под конец лета, становилась совершенно невыносимой, а расплодившаяся в вольготных условиях кровососущая мелочь еще больше отравляла жизнь послушницам местной обители богини Пречистой Живы.

Вайделу Беату — нашу главную наставницу, женщину негибавей воли и жесткого характера, боялись кусать даже комары с мошками, держались от нее на почтительном расстоянии и оттого, видимо, с особым рвением вгрызались в наши молодые неокрепшие тела. Больше всего досталось щекам и носу, так как все остальное было тщательно скрыто под плотной льняною хламидой — обычная одежда всех жриц Живы. Так вот, вайдела Беата, собрав поутру всех послушниц вместе с наставницами, прочитала нравовчение величиной с трактат: головою по сторонам не вертеть, друг с другом не болтать, на проходящих мимо — чаще всего рабочих из деревни — не засматриваться, выполнять свои обязанности. По ее мнению, девы из обители должны быть степенны, трудолюбивы и скромны. Старшая жрица, распределив повседневные обязанности, благосклонно следила за их исполнением, изредка давая воспитанницам ценные советы по тому или иному вопросу.

Мне досталось собирать сливы в саду. Не сказать, что я об этом мечтала, но все же лучше, чем рыться в земле в поисках

морковки, которая, судя по лицам собиравших ее девушек, явно залегла на запредельной для тляпок глубине, или присматривать за обнаглевшими от свободы поросятами — их в кои-то веки выпустили погулять, пока пара деревенских работников чистила сарай. Вайдела Беата блюла подопечных с особым тщанием — на тот случай, если мальчишки вздумают заговорить с нашими девами. Даром что некоторым из них не было и тринадцати лет — в смысле работникам, да и девам тоже. «Честь надо беречь с юности, — говаривала старая жрица. — А честь девы из обители превыше всего — иначе не стать девушке вайдилутой, или по-другому — жрицей Живы».

Таких жриц в народе уважали — приглашали освятить дом, омыть и благословить младенчика, понянчить и обучить грамоте детей. В храме Живы такие жрицы-хранительницы скрепляли союзы молодых пар, а жрицы-целительницы вообще были на вес золота. Вот по всему и выходило, что девы из обители Живы всю жизнь обязаны блюсти честь, иначе не раскроется их истинный Дар, и не смогут они давать другим исцеление и благословение. Только вот незадача, не все из нас мечтали посвятить жизнь на благо своим ближним. Да куда нам, сиротам и подкидышам, податься? Так и выходило, что все свои тайные мечтания о возлюбленном, о доме, полном деток, или совсем уж глупые надежды на похищение из обители молодым баронетом — девушки прятали глубоко в душе, скрывая под веками блеск глаз и доверяя друг другу тайны поздней ночью в кельях — только шепотом, потому как боялись вайделы Беаты до икоты.

В общем, обычная монастырская романтика: в душный день везде кипит работа, рядом вонючее болото, кусачие мошки и агрессивно настроенные комары, а мы, несмотря на тщедушность тел, для кровососов — самое изысканное блюдо.

С лестницы, приставленной к сливе, были хорошо видны окрестности. Потому и не укрылось от глаз, что к обители подъезжает группа всадников.

Так-то у нас и нападения случались, но, правда, давно, и только один раз — покойный батюшка барона Чаплиса перебрал на пирушке лишнего и, вспомнив бурную боевую молодость, пошел на приступ «вражеской цитадели», коей оказались ветхие стены нашей обители — ограда не только была не укреплена, но давно требовала ремонта.

Панорама из сада открывалась живописная, дорога просматривалась как на ладони, это учитывая, что сама обитель находилась на возвышенности. Вроде и всадники не походили на бандитов — те нападают внезапно, исподтишка, а эти, сразу видно, цивилизные, с выправкой — люди местного барона так не выезжали — при амуниции, все как один в темных камзолах и на ухоженных, но слегка усталых лошадях.

Только что в женской обители понадобилось такому количеству мужчин?

Вайдела Беата среагировала быстро, уверенно и четко. В итоге — работа была брошена, поросята от радости разбежались по саду, зато всех молодых дев под бдительным надзором наставниц разогнали по кельям. Я тоже отправилась в келью. Только мне не давали покоя всадники, особенно один, с рыжей шевелюрой. Или мне почудилось? У нас издавна повторяли поговорку, этакую народную мудрость: чудится — покажи кукиш. Кукиш я показывать не стала, а решила проверить, что происходит.

А потому вскоре оказалась на чердаке прямо над приемным покоем нашего старейшины, вайдила Фьерна. Старую обитель я знала, как пять своих пальцев, если что, и с закрытыми глазами все необходимое могла найти. Дождалась минуты, когда меня никто не видел, а приезжие спешили к заднему двору, и прошмыгнула к лестнице. Потом потихонечку взобралась на чердак и ползком добралась до балок над личной приемной нашего главного жреца. Благо между досками щели порядочные — я почти все увижу, почти все услышу, а сама постараюсь остаться незамеченной.

На приключения потянуло не только меня — это я поняла после того как мой нос уперся во что-то мягкое, а потом слышались сбивчивое шипение и шелестение. Сначала у меня от страха все внутри оборвалось. В голове прояснилось, когда от моего носа отпрянуло это самое шелестящее и мягкое, и перед глазами предстала едва различимая в полумраке Людя — еще одна дева обители. Ох, и быстра же, словно заяц, что от собак драпает. Когда успела?

— Тсс! — прошипела Людя и весомо пригрозила кулаком. Мне только и оставалось, что фыркнуть в ответ. В трапезную она тоже попадала раньше всех, а к котлу прокладывала путь, активно работая локтями. Я-то сюда тоже не танцевать пришла, а снедаемая праздным любопытством: на приезжих хотела глянуть. Между прочим, мне их увидеть нужнее.

Но Людя, видимо, считала иначе. Прилепившись носом к доскам, она распласталась во весь рост по полу чердака. Это было уже слишком. Мне даже пристроиться оказалось негде, поэтому, особо не церемонясь, я пододвинула нахалку, насколько позволяли силы и пространство. Этот маневр не понравился любопытной девице, она со свистом раздула щеки, возмущенно зашипела и даже ущипнула меня целых два раза! Как невежливо, ведь вайдела Беата всегда учила своих послушниц скромности и кротости! Я пнула Людю в ответ, и между нами завязалась драка. Неизвестно, чем бы все это закончилось, если бы не шаги и скрип открывающейся двери. Мы резко перестали щипаться, толкаться, пинаться и одновременно припали носами к щелям между балками, предварительно стукнувшись лбами. Людя недовольно потерла ушибленное место и пригрозила мне кулаком: мол, так просто она этого не оставит. Но пугаться было некогда, так как я узрела приезжих, точнее, одного из них, и поняла: ничего мне не показалось, и лучше бы я показала кукиш, хоть не обидно было бы.

Вслед за вайдилом Фьерном в приемный покой с прямой, как пыточный столб, спиной, важным видом и своей коронной улыбочкой вошел Легарт Браггитас. Кузен, наверное, мнил, что его корзырь — прирожденное обаяние, и всякий раз пускал его в ход, если хотел кому-то угодить, понравиться или ему позарез что-то было нужно. Вот и сейчас Легарт лыбился, показывая все свои зубы. Людя по соседству учащенно задыхалась, так, что наши шансы быть обнаруженными повысились раза в три. Как по мне, окажись я сейчас рядом с этим «зубоскалом», передние зубы ему пришлось бы восстанавливать у эльфийских мастеров — дорого, долго и весьма болезненно. Даже у магии эльфов есть свои неприятные особенности!

Странно было увидеть кузена через столько лет, да и не верилось, что он прибыл по мою душу, хотя бы и добровольно. Во всяком случае, то, что глава Дома Браггитас явился сюда собственной персоной, — весьма недобрый знак.

— Рад видеть мудрейшего вайдила Фьерна в добром здравии! — весьма почтительно начал свою речь гость.

— Присаживайтесь, лорд Браггитас. — Вайдил указал на кресло возле стола, сам, правда, садиться не стал. — В ногах правды нет, как говорят в этих краях жители.

— В столице вас до сих пор помнят. — Легарт и бровью не повел, уловив проскользнувшую в словах жреца иронию, но в кресло садиться не стал. — На пирах нет-нет да прозвучит песня ваганта о ваших ратных делах.

С вытянутыми от удивления лицами и раскрытыми ртами мы с Людей в полумраке чердака уставились друг на друга. Нет, конечно, то, что вайдил не прост, мы знали. Ведь мужчина, приставленный к женской обители, должен быть не обычным жрецом, а и воином, защитником. Но о том, что наш престарелый вайдил Фьерн еще и герой, мы не догадывались.

— Человека делают не слова, а его поступки, — скромно заметил жрец. — Увы, не все мои деяния достойны того, чтобы быть воспетыми. Да и те, о которых мастера пера и лютни упоминают в своих стенаниях, крайне преувеличены.

— Как сказать, вайдил, как сказать, — задумчиво произнес гость. — Я ведь вырос на историях о ваших подвигах. Битва с акынджеями в ущелье Дрохарм, — начал перечислять Легарт. — Победа над мейгирами в битве при Гвегинхе, отбитое нападение эльфов на западе Линбельгской равнины, подавление восстания лорда Вар...

— Достаточно, — немного резко прервал вайдил Фьерн восхищенные стенания моего кузена. — Легенды — это только легенды и ничего больше. Калеки и попрошайки на площадях королевства могут рассказать о прошедшем куда правдивее и куда красноречивее, и вы это знаете.

Отчего-то вдруг показалось, что старый жрец совсем не гордится участием в упомянутых битвах.

— Странно, — тихо прошептала я, обращаясь к Люде. — Мы ведь изучали на занятиях летописные своды по истории королевства и все эти сражения. Но я не помню, чтобы там упоминалось имя вайдила Фьерна.

— А с чего это ты решила, — саркастически заметила соседка по чердаку, — что вайдила всегда звали Фьерном?

Я задумалась, вспоминая книги и имя героя всех этих сражений.

Догадка меня поразила.

— Ольгерд Бездомный! — ошеломленно прошептала я. — Единокровный брат короля Крайстута, бастард короля Войшелка. Герой Латгелии, с ума сойти!

Наверное, я и дальше восхищенно перечисляла бы все, что о нем читала, если бы не тычок Люди, которая моей любви к книгам явно не разделяла.

— Сдурела, что ли? — недовольно зашипела мне в ухо Людя. — Попрыгай от радости! Твой герой Латгелии нас по головке не погладит, если здесь застучает! Не говоря уже о том, что старуха три шкуры спустит.

Тут она, конечно, оказалась права. Хотя про вайделу Беату немного перегнула. Старая жрица была женщиной грозной, но не жестокой. Максимум, что нас ожидало за такую выходку в качестве тяжкого наказания — всю ночь лущить горох с фасолью. Не так и страшно, если честно, потому как сама вайдела Беата телесные наказания презирала и считала, что смирение и послушание воспитываются в труде, покаянии и молитве. Это для Людиной неугомонной натуры труд и молитва были худшим из наихудших наказаний — не знала она ни палки, ни плетки. Некоторым из нас — сирот — в свое время досталось и в приюте от смотрительниц, и от «любящих» родственников. Мне до сих пор про тетку только кошмары снятся.

— Прошу прощения, вайдил, — повинился тем временем Легарт перед жрецом. — Мне очень жаль, если вам претит эта беседа, я не стану продолжать.

— Это вы меня извините, лорд Браггитас, — спокойно ответил вайдил Фьерн. — Мне надо было сразу предупредить вас, что, принимая духовный сан, жрец не должен поддаваться страстям былой мирской жизни, ибо это гордыня.

— Я этого не знал, — судя по тону, Легарту и правда стало неловко.

— Забудем, — махнул рукой жрец. — Так что же нужно в наших богами забытых краях лучшему лорду-дознавателю королевства?

У меня даже дыхание перехватило. Вот оно как! Лорд-дознаватель, значит. Людя от любопытства чуть всю голову в щель не просунула.

— Уважаемый вайдил, — перешел к делу новоявленный лорд-дознаватель. — Не хочу занимать ваше, да и свое, время, но, как вы понимаете, сюда я явился не просто так.

Я лежала, думала и не дышала. Людя стала коситься на меня с опаской. Я, видимо, слишком громко думала, так как Легарт забеспокоился и стал поглядывать на потолок. Угомонив хоровод образов в голове — так, на всякий случай, а то вдруг у меня и вправду мысли громкие! — решила все-таки подышать, чтобы не задохнуться.

— Причины могут быть разными, лорд Браггитас, — терпеливо заметил старый жрец.

— Видите ли, происходящее касается нас с вами, короля и всего королевства, поэтому мне необходимо сначала передать вам это.

С этими словами гость достал из внутреннего кармана своего камзола грамоту, скрепленную алой печатью. Тут мне и вовсе стало не по себе. Даже у нас в обители знали, что алая печать — это знак королевского отличия. Интересно, что понадобилось королю от старого жреца? Неужели желает вернуть его на службу?

— М-да, — кивнул жрец, принимая послание. — Как я уже говорил, столичные дознаватели в наших краях появляются нечасто.

Еще бы, с чего им тут ошиваться, если местные служители огня и дыбы, как кость в горле, застряли со своими рейдами у всех южных земель? Приедут из города, для острастки погонят нечисть по нашим лесам и болотам и обратно в город уматывают, чтобы целыми остаться после того, как местные жители серчать начнут. А серчать есть с чего: после таких «профилактических мер» вся потревоженная нежить из обжитых мест потоками стекается в деревни. И ладно бы только страх на людей наводили, так они людские хозяйства изводят! А хозяйство — дело святое, деревенские жители свое добро очень берегут. А тут навь болотная да кадуки всякие по садам околачиваются, скотину жрут, огороды вытаптывают. Выводить из деревни всю нечисть вайдилу Фьерну приходилось в одиночку. Вот поэтому и не любили у нас дознавателей: больно они люди самоуверенные и к тому же бестолковые. Так вайдела Беата всегда говорила.

Я очень надеялась на то, что в наших краях завелись разбойники или местная нечисть повадилась бегать на королевские грядки. Мало ли что случается — это же нечисть!

— Насколько мне известно, в вашей обители на протяжении нескольких лет воспитывается моя юная родственница.

Внутри у меня все оборвалось.

Нет, я, конечно, чувствовала: если Браггитас явился сюда, то не местными красотами любоваться и не карающим перстом истреблять здешнюю навь. И уж точно не для дознания, да и кого тут допрашивать: престарелый жрец, уже давно немолодая жрица, две старшие вайдилуты и десятка три девочек от пяти до шестнадцати лет. Хотя дознаватели, если надо, и трупы допросят.

Но кому я понадобилась? Так называемые «родственники» избавились от меня с превеликим удовольствием и знать обо мне не желали. Сам факт моего существования грязным пятном ложился на светлую честь Дома и отравлял всем жизнь. Мне не забывали об этом напоминать даже при жизни мамы, намекая на то, что если бы не она, меня сразу отдали бы на удочерение — в лучшем случае; в худшем — не церемонясь, утопили бы в ближайшем пруду. С чего это вдруг двоюродный брат и глава Дома вспомнил обо мне через десять лет? За долгие годы — ни слуху ни духу от него не было, а тут — на тебе, заявился как ни в чем не бывало. Зачем? О причинах не хотелось даже думать. А, главное, приперло-то как: лорд-дознаватель приехал собственной персоной!

Видно было, как вайдил Фьери помрачнел от этого вопроса, но тем не менее вполне дружелюбно ответил:

— Понимаю, что сейчас речь пойдет об одной из наших воспитанниц. — При этих словах старичок шаркающей походкой прошел к окну, затем развернулся и, как мне показалось, укоризненно посмотрел на Легарта. — Королевская грамота, конечно... М-да. Но почему сейчас, лорд Браггитас? За столько лет вы даже не вспомнили о ее существовании. Что же подвигло вас опомниться?

От этих слов старого жреца Легарт дернулся, как от удара. Не зря нашего вайдила уважал даже местный барон.

— Видите ли, обстоятельства изменились. — Кузен даже в кресло сел. — Но это не мое решение, вайдил.

— Да, я понимаю, — задумчиво произнес жрец. — Мы несли за девочку ответственность, и это было не в тягость. Поэтому, что бы вы ни решили по поводу Гинты, мы не станем ее принуждать покинуть обитель, если она сама не захочет.

При этих словах вайдил многозначительно посмотрел на потолок, прямо на то место, где сидела я. А мне, пусть даже и при осознании неминуемого наказания, стало приятно, что хоть кому-то в этом мире моя судьба не безразлична. Людя глянула на меня так, будто у меня на лбу выросли рога, как у йодаса.

— Так ты из этих, — кивнула она, указывая на пол, где мы лежали. — Голубая кровь...

— Ага, — скривилась я. — А здесь от настырных женихов спряталась.

— Кто тебя знает! — фыркнула Людя.

— Я не желаю девочке зла и ни в коем случае не хочу ее обижать, — тем временем начал оправдываться Легарт.

Ага! Как бы не так! Только голос его был напряжен, и сам кузен казался недовольным отпущенной ему ролью посла-переговорщика. Он выпрямился в кресле, приосанился и приготовился требовать, а не просить.

— Так получилось, — нагло улыбнулся Легарт, сделав паузу, — что именно Гинтаре выпала честь представлять нашу семью при королевском дворе во время смотра и отбора невест.

Что?! Какого смотра? Каких невест?

Людя со смесью зависти и восхищения уставилась на меня, а я от потрясения опять перестала дышать. Отчего-то смотр невест по смыслу для меня был созвучен со «смотром коров», из которых одни шли на дойку, а других отправляли на убой.

— Вы хотите сказать, — вайдил, к слову, тоже удивился, поэтому говорил с сильным сомнением в голосе, — что девочка удостоилась чести быть представленной ко двору?

— Нет, — многозначительно ответил Легарт. — Она оказалась в числе невест! Прочтите послание, оно, надеюсь, многое прояснит...

Вайдил Фьерн сломал печать и стал читать написанное. По мере чтения лицо его вытягивалось все больше и больше, а мне это нравилось все меньше и меньше. По всему выходило, что мне теперь не отвертеться от встречи со своими родственниками, да еще и ко двору надо явиться... в качестве невесты.

— Но как так получилось? — Старый жрец выглядел ошарашенным. — Как Гинта оказалась в числе претенденток на сердце короля?

— Ее имя назвал королевский оракул вместе с еще семью именами молодых девушек, — спокойно пояснил ситуацию Легарт. — Вы знаете, как относятся при дворе к такого рода предсказаниям. Поэтому, несмотря ни на что, Гинтаре обязана отправиться со мной в столицу прямо сейчас.

Ага, размышлял!

— Но, подождите, как вы все объясните самой Гинте? — возмутился жрец. — Для нее это будет серьезным испытанием!

— У нас нет времени на объяснения, уважаемый вайдил. — Легарт поднялся из кресла, а я поползла к выходу. — Могу я сейчас увидеть кузину?

Нет, конечно! Мало того что меня не было в моей келье, так еще и видеть никого из родственников я не желала.

Вытирая подолом доски, я на четвереньках поползла к выходу. А потом коленом наступила на платье и уткнулась лицом в пол как раз тогда, когда жрец воскликнул:

— Погодите, лорд Браггитас...

Это последнее, что я услышала, перед тем как кубарем скатиться вниз, минуя стремянку. Приземлилась прямо на мягкое место, что не смягчило ни падения, ни грохота, сопутствующего ему из-за скудости мышечно-жировой ткани на теле. Страдать над своими ушибами отправилась в келью: бегом и без оглядки. Только когда оказалась в тесной комнатушке, вспомнила, что на чердаке осталась Людя.

Жива ей в помощь, но я туда больше не вернусь.

Разговор кузена со жрецом мне не понравился. Совсем. Возникло нехорошее предчувствие, и в сфере гармонии моей души стали появляться трещины. Из-за этого безумная идея побега стала казаться не такой уж и сумасбродной!

Нет, я, конечно, понимала, что это очень опасно, но кое-что я все же умела делать, кое-какие способности у меня были.

Не пропаду!

Права была вайдела Беата, когда говорила, что мужчины — это зло. А дознаватели — зло, умноженное стократно, — так весь народ думает.

И вообще, не зря у нас дознавателей не любят. Тут причина не только в участвовавших набегах местной нечисти на деревенские огороды.

В позапрошлом году один такой затесался в наши края — тоже кадука с болота согнать. Правда, пока он до тех болот добирался, заметил одну из молоденьких послушниц у Святого колодца. Приглянулась ему наша девица, он ее и свез в город по-тихому. Как, не знаю, в подробности меня не посвящали, в общем, горевала вайдела Беата — думали, не переживет старая жрица того, что послушницу не уберегла. Вайдил даже в город ездил и к барону местному обращался, но нигде толку не добился. Везде ему был один ответ — дева сама согласилась уехать с молодым кадетом службы дознания. А по закону, как королевскому, так и людскому, если дева сама дала согласие пойти с мужчиной, значит, добровольно вручила себя ему в полномочное владение, после чего мог он делать с нею все, что захочет. Мне такой подход не сильно нравился, видимо, как и вайделе Беате. После этой истории жрица стала

пуще прежнего блюсти нашу мораль — за святой водой к колодцу отпускала только в сопровождении старших вайдилут Ингельды или Лорильды, во время похода за территорию обители не разрешала даже глаза поднимать, а если кто-то к нам наведывался, разгоняла всех послушниц по кельям, несмотря на сезон сбора урожая. Если раньше мы от ее стараний просто стонали, то теперь завывли ранеными зверями: угрожало все это не столько поднятием морали, сколько тем, что девы разбегутся из обители в разные стороны.

Правда, желания разбежаться поубавилось после того как беглянка вернулась, да не одна, а с приплодом. Как выяснилось, удалой дознаватель на ней так и не женился, а когда она понесла, и вовсе выгнал на улицу, а сам повенчался с дочкой градоначальника, которая, при всех внешних телесных и внутренних душевных прекрасностях нашей девы, оказалась куда богаче и родовитее. Мыкалась бывшая послушница по приютам для нищих, где и родился у нее ребенок, после чего нашел ее бывший возлюбленный и денег дал, правда, немного, чтобы не наглела, так сам и сказал. В общем, на дорогу до обители ей их хватило. Теперь живет бывшая послушница под видом вдовы где-то в селении, которое находится на севере королевства, лекаркой промышляет — вайдил Фьерн позаботился — и вспоминает свою историю, как страшный сон. А у того дознавателя и его жены дети так и не родились. Слух ходил, будто бы искал он деву с ребенком, даже в наших краях побывал, грозился вайдилу всеми мыслимыми и немыслимыми карами. Только и наш жрец не первый год по земле ходит, припомнил недособлазнителью, как он девицу обманом из обители увез не совсем по ее согласию, и намекнул, что за такие выходы может попасть даже следователям службы дознания. А после того как деревенские жители, подумавшие, что дознаватель опять явился устраивать гон нечисти, выбежали с вилами да с топорами, горе-ухажер в наших краях не скоро объявится.

С такими светлыми мыслями я быстро стала собирать свои нехитрые пожитки. Благо было их у меня немного. Решила не тратить время на переодевание. А зачем? Я планирую податься туда, где на меня глазеть особо будет некому. Так что извозюканное в пыли платье не проблема, по крайней мере, хотелось в это верить. Побросав все самое необходимое в дорожный мешок, схватила тисовый посошок и, переполненная гордостью своей находчивостью, направилась к окну. Легко

вылезти не получилось: мешало древко посоха и длинное тяжелое полотняное платье. Пришлось развернуться спиной, чтобы свесить ноги. В общем, я скорее не вылезла, а выползла... в крепкие объятия дорогого родственника.

ГЛАВА 2

— А ты выросла! — стаскивая меня с подоконника, удивленно приветствовал лорд Браггитас.

Я подняла глаза и замерла в крепких лапах. Кроме Легарта возле окна стояли вайдил и кузеновы сопровождающие. Человек шесть, не меньше. И когда только успели припереться? Я же вроде недолго собиралась! А главное, все лыбились и головами кивали. Ну, кроме вайдила, конечно.

— Ты... тоже подрост, — только и смогла выдавить в растерянности.

Что еще я могла сказать?

Вроде как остался Легарт прежним, но стал совсем другим. Видела я его в последний раз более десяти лет назад — рыжим, конопатым, тощим подростком, который ловил лягушек у пруда и надувал их через соломинку. Еще пирожки на кухне таскал — горячие, но такие вкусные. Он этими пирожками всегда со мной делился...

М-да, времени прошло немало. Хотя, по правде сказать, вымахал кузен и правда неслабо, в плечах раздался, только глаза стали отливать свинцом. Веснушки куда-то бесследно исчезли, а по-прежнему рыжие, как пламя, волосы были заплетены в косу. Но косы плетут только воины, побывавшие на поле боя и видевшие смерть.

— Тебе не кажется, уважаемый кузен, — не очень приветливо обратилась я к двоюродному брату, — что ты немного опоздал с приездом?

— И тебе не хворать, дорогая сестра, — не остался в долгу Легарт и, окинув меня цепким взглядом, брезгливо поморщился. — Отлично выглядишь, я бы сказал, монастырская жизнь не прошла для тебя даром.

— Конечно, чем еще может заниматься местная дева? Только усердно молиться и смиренно трудиться.

— Как раз к приезду гостей всю пыль в обители вытерла, — заметил он, сдув с моей головы скатавшуюся в толстый пыль-

ный жгут паутину. Однако вместо того чтобы послушно упасть в траву, паутина повисла у меня на носу.

— Поставь меня на грешную земную твердь. Мне на ней намного спокойнее...

Браггитас, наконец, соизволил поставить меня на землю, а злополучную паутину смахнул рукой.

— Тяжеловата ты стала, однако. Видимо, вас здесь весьма недурно кормят.

— Ага, — ляпнула я, не подумав, и вместо того чтобы остановиться, продолжила говорить, не моргнув глазом: — Как раз сегодня на завтрак нам подали отличнейшее сливочное масло со свежим хлебом и фархенбургским сыром. А буквально вчера за трапезой нам перепало по целой рульке.

— Какой? — непонимающе посмотрел на меня Легарт.

— Свиной. А еще было баранье рагу с овощами, индюк, фаршированный перепелиными яйцами, запеченный в кабаньей туше и...

В общем, меня не на шутку понесло. Так бы мы и дальше разыгрывали представление под общие смешки сопровождающих лорда Браггитаса, если бы не голос вайдила, спокойно, но довольно громко прозвучавший среди общего гама:

— Прекрати, Гинтаре.

Все сразу притихли и посмотрели в сторону жреца. А мне стало очень стыдно из-за того, что распустила язык при мирских людях. Ни дать ни взять — тетка на воскресной ярмарке. Пунцовая, попросила прощения у присутствующих и, опустив глаза, решила, что больше не скажу ни слова, коли сами не попросят.

Кузен обратился к вайдилу:

— Я тоже прошу прощения за недостойное поведение, достойный Фьерн. Если не возражаете, не могли бы вы снова уделить мне немного времени для обсуждения некоторых тонкостей отъезда из обители вашей подопечной.

Старик склонил голову в знак согласия.

А мне стало обидно. В детстве не было ни кузена с кузиной, ни лорда с леди. Был просто брат-охламон, с которым мы недурно ладили, но то было детство — тогда все было по-другому: деревья — большие, люди — добрые, а еда — невкусная. Теперь добрый Легарт превратился в лорда-дознавателя Браггитаса и забыл, что когда-то называл меня Гинькой и, зарабатывая подзатыльники, воровал на кухне пирожки. Грустно.

— Это очень хорошо, что ты уже собрала свои вещи, — кивнул Легарт на мой узел. — Сегодня же покинешь обитель.

Ну да, с таким-то голосом он вряд ли теперь получает подзатыльники, и пирожки ему, поди, приносят, чтобы не утруждал себя.

— Не покину, — воскликнула возмущенно. Тут уж я решила не отступать, а узелок прижала к себе, чтобы не отобрали. — Я нахожусь под защитой Обители Пречистой Живы. И без моего согласия никто меня силой отсюда не увезет.

Лорд Браггитас, против моего ожидания, напустил на себя демонстративно усталый вид.

— Слушай, Гинта. — Он взял меня под руку и подвел к окну моей кельи, из которого я выбралась несколько минут назад. — У меня нет времени для препираний. Тебе стоит определиться, чего ты хочешь: бежать на своих изнеженных ножках или ехать в сопровождении королевского эскорта.

«Конечно, у тебя нет времени слушать мнение капризной девчонки!» — чуть было не вырвалось у меня из-за клокотавшей внутри обиды. Ни на что у них не было времени! Написать, навестить, передать гостинец — на все это времени не было! Главное — заточить меня в приюте Сунагере, который находился на самом юге королевства у границы с Иманским каганатом, время было! Хотя ехать сюда пришлось пять дней почти без остановок.

И ноги у меня, к слову сказать, не изнеженные.

— Поэтому полезай-ка ты обратно в свою комнатку. — Братец снова подхватил меня на руки и стал заталкивать в окно. — И как прилежная девочка жди старшего брата. А потом, когда улажу дела, я все тебе объясню в теплой семейной обстановке.

— Все равно сбегу! — пискнула я и послушно запрыгнула в свою келью, где меня уже ожидали обеспокоенная вайдела Беата и шмыгающая носом расстроенная Людя. Пожилая женщина, поджав губы, осуждающе взирала на меня. Я молчала, так как сказать мне было нечего, а еще чувствовала, что из-за наполняющихся влагой глаз придется тоже пошмыгать носом.

Но проблемы моего носа, как и мое душевное состояние, мало интересовали старую жрицу, поэтому отчитывать нас она сразу стала строго, но не зло:

— Думаю, что не время делать вам обоим замечание по поводу вашего непростительного поведения.

Мы молчали, опустив головы. Оправдываться некрасиво — сами виноваты.

— Ладно, я понимаю — Людвика. — Она снисходительно посмотрела в сторону Люди. — Но вы, Гинтаре...

На этот раз в меня уперся ее острый, полный горечи взгляд. Я посмотрела на вайделу и отчего-то подумала, что никогда не боялась ее по-настоящему. Всегда послушно выполняла ее указания не из страха, а из уважения, которое испытывала, зная, что в глубине души это добрый и отзывчивый человек. Даже Людя, всегда сетовавшая, что ее, несчастную, пытаются извести трудом и постами, постепенно стала привыкать к жизни в обители. В памяти вдруг возникла призракотетка, и ладони похолодели от непрошенных воспоминаний.

Что теперь будет? Тогда, после маминой смерти, она словно с цепи сорвалась, вымещала на мне непонятные злобу и ненависть. Ненавидела за то, что дед оставил мать и меня при Доме. После того как он вместе с сыновьями сложил голову в междоусобице, воюя на стороне молодого короля, тетушка быстро сориентировалась: меня, кусающуюся и брыкающуюся, запихнули в повозку и отослали в этот забытый богами приют.

— Что с вами, Гинтаре? — На этот раз взгляд вайделы стал беспокоенным и встревоженным. — Вам плохо!

Она не спрашивала, а утверждала. Людя тоже уставилась на меня глазами-блюдцами.

— Н-ничего. — Получилось не очень убедительно, поэтому я попыталась улыбнуться, надеясь снять напряжение. Видимо, улыбка вышла жалкой — вайдела еще больше разволновалась.

— Людвика, сейчас же принесите воды, — обратилась она к девушке и строго добавила: — Только не вздумайте свернуть по дороге.

Людя, неохотно кивнув, выскользнула за дверь. Ее нещадно распирало любопытство, а тут за водой послали, какая несправедливость!

Вайдела подошла близко ко мне, взяла двумя руками за плечи и, слегка надавив, усадила на кровать. Сама жрица присела на грубо сколоченную табуретку напротив меня.

— Отдохните, Гинтаре, и послушайте, что я скажу. — Она сделала легкий вздох, после чего продолжила: — О чем горюете — я уже ведаю, поэтому дам вам совет — не сопротивляйтесь.

— Что? — Я была в ужасе. — Вайдела Беата, неужели вы не понимаете — это какой-то дурной розыгрыш! Балаганная пьеска! Вернуться туда, где меня все ненавидят, только затем, чтобы отхватить еще одну порцию унижений и презрения! Ну уж нет!

— Гинтаре, пророчества, которые делает Великий оракул, сбываются. Он дает очень точные прогнозы и еще ни разу не ошибся, уж я-то знаю, поверьте.

«Интересно, откуда?» — подумалось мне. Нет, конечно, об оракуле знали все, и о его предсказаниях тоже. Но откуда у старой жрицы такая уверенность в том, что они сбываются?

— Я когда-то жила при дворе, — ответила на мой немой вопрос вайдела.

У меня челюсть отвисла от неожиданности. Вот тебе и на! А ведь можно было догадаться. Я просто не обращала внимания на очевидные вещи: слишком правильная речь для простой вайдилуты, вышедшей из народа, манеры, не свойственные сироте, красивый точеный стан, спина, которую не согнули даже годы, породистое лицо без намека на простоватость, аристократически длинные пальцы, не изуродованные трудом. А в келье вайделы имелся серебряный чайничек для заварки, который она любила и берегла, и заваривала в нем чай по особым случаям, для важных гостей, например, барона Чаплиса, который после того злосчастного случая со штурмом изредка, время от времени, но все же навещался в нашу обитель. Знала я про чайничек из-за того, что сама помогала вайделе Беате в тех редких случаях накрывать на стол. И что-то мне подсказывало — сегодня Легарту чая не перепадет.

Между тем жрица продолжила беседу:

— О том, почему я покинула двор — рассказывать не буду, но скажу вам откровенно: понимаю вас и ваши чувства. И тем не менее дайте шанс самой себе. Вы молоды, образованны не хуже придворных девиц, а в некоторых вопросах и лучше. Манерам все же придется подучиться. — Тут она многозначительно посмотрела на меня, и краешек ее губ с ухмылкой потянулся вверх, отчего я покраснела, как свекла. — Да и над танцами надо основательно поработать, но я уверена — вы справитесь.

Глядела я на вайделу Беату и глазами хлопала. Ну, еще рот из почтительности закрывала, потому как он то и дело открывался сам собой. Вот уж удивила жрица так удивила! Мне казалось, что она больше всех воспротивится такому повороту

событий в судьбе одной из своих воспитанниц. А тут вон оно как обернулось-то! Это или тонкий расчет, или романтизм на старости лет.

Повинуясь внезапному порыву, я все же спросила:

— Почему?

— Мне не хочется говорить об обстоятельствах, вынудивших меня покинуть двор, — раздраженно отмахнулась от меня старушка.

— Нет, почему вы так хотите, чтобы я поехала туда? — О причине, из-за которой мне предстояло покинуть обитель, упоминать не хотелось.

Вайдела загадочно улыбнулась и посмотрела на меня:

— Кто знает, раз вы названы оракулом одной из возможных жен короля, почему бы вам в самом деле ею не стать?

Если внимательно читать летописания, а не пялиться на миниатюры и гравюры, можно почерпнуть для себя много интересного. Например, узнать, как жрецы и духовники пытались повлиять на политику путем воздействия на правителей, делая их своими марионетками. На маститую интриганку вайдела Беата была похожа не более, чем дворовый воробей на грозного кречета. Не для нас, провинциальных послушниц, эта столичная кутерьма. Да и что-то слабо верилось, что молодой король очаруется моей кудрявой рыжей гривой, рассыпью коварных конопух на носу и скудостью телесной конституции. А еще полным отсутствием намека на грудь. Нет, такая конечно же имелась в наличии, но была плачевно мала в объеме.

— Не-ет, — задумчиво протянула я, представляя, как королевское величество брезгливо кривит губки при виде меня. — Король, скорее, примет меня за прислугу и ни за что на мне не женится!

— На вашем месте я бы не загадывала.

Кажется, вайдела Беата и вправду перечитала в юности рыцарских романов, иначе не думала бы так, рассматривая ситуацию с реальной точки зрения.

— Вы себя не любите, Гинтаре, — заметила жрица и положила ладонь на мои сцепленные пальцы. — А это плохо. Конечно, во многом виновато окружение, в котором вы росли, но это не меняет того факта, что вам нужно посмотреть на себя немного с другой стороны.

Мне кажется или я перестала понимать ее слова?

— Во-первых, ваше имя назвал оракул. — Продолжавшая вещать жрица не обращала никакого внимания на мой озадаченный вид. — А это уже знак, что вы достойны того, чтобы стать избранницей короля!

Подозреваю, что у оракула серьезные проблемы с воображением.

— Во-вторых! — Старушка перешла на более торжественный тон и только указательный палец вверх не подняла для пущей торжественности. — Вы происходите из весьма уважаемого Дома.

Которому я как кость в горле и жирная клякса в родовой книге.

— В-третьих, у вас есть дар! — У вайделы покраснели щеки и заблестели глаза. — И это притом что магия постепенно покидает наш мир! А избранница с даром для правителя — это как минимум рождение магически одаренного наследника.

С даром была проблема: магия из мира стала уходить с приходом эльфов. К нашему времени живых даров практически ни у кого не имелось, а чтобы получить способности, необходимо было отдать богу, которому служишь, нечто очень ценное. Я ничего не отдавала Живе. Крылась причина получения дара в моем детстве или боги решили помочь своей заблудшей дочери — не знаю. Но подозреваю, что в этом и крылся расчет того самого оракула, если он не самозванец. Думаю, он все предусмотрел, и я не единственная магически одаренная невеста. А то, что посохом махать умею, так об этом лучше помалкивать, не то меня при дворе бояться начнут...

А вот это уже мысль! Ну, чтобы боялись. А так я натура вполне себе безобидная.

— Вайдела Беата, вы так и не ответили на мой вопрос. — Жрица молчала и внимательно смотрела на меня. — Почему вы хотите, чтобы я туда вернулась?

Старушка вздохнула и ответила:

— Думаю, вам все объяснит вайдил Фьерн, а я умолкаю! — Вайдела снова стала самой собой: строгой, с прямой, как струна, спиной и поджатыми губами. Как ни странно, такой она мне нравилась куда больше. — В конце концов, приказы короля не обсуждаются.

С этими словами она встала и вышла из кельи. Ну и какой толк в таких разговорах: вопросов осталось больше, чем было

получено ответов. Мучайся от этой недосказанности, как на углях в пыточной у дознавателей.

— Людвика! — неожиданно раздался возмущенный возглас вайделы за дверью. — Опять подслушиваете?

— Что вы! — Тон Люди не оставлял сомнений в том, что она уже давно добросовестно подслушивала. — Я только пришла, воды принесла, как велели.

Угу и слышала как минимум пару последних фраз и как максимум — большую половину разговора.

— Немедленно отправляйтесь в свою келью!

— Да-да, но у меня еще и поручение к Гинте от вайдила.

Н-да. Недаром говорят: горбатого могила исправит. Только подозреваю, что Люде и могила нипочем: вскоре в мою келью вплыла она сама — растрепанная, глаза блестят, на щеках румянец.

Не-ет. За сегодняшний день как-то многовато получается взволнованных дам с горящими взорами. Неужели небольшая группа всадников способна изменить душевное состояние целой обители всего за полчаса? Мне даже обидно стало. Я так любила и ценила тихую спокойную жизнь монастыря, приветливое обращение людей, что сам факт скорого возвращения к мирской жизни у меня вызывал шок. А тут даже вайдела Беата — строгая поборница благоразумия и терпеливости — чуть ли не с радостью отправляла меня ко двору! Еще и эти ее обоснования того, что я достойна стать женою короля. Не тут-то было! Не первый день на свете живем! Может, я и сопливая по годам, только кое-что увидеть краем глаза и услышать краем уха успела, спасибо родной тетушке. Если бы не эта благородная и великодушная женщина, жила бы я сейчас в солнечном осознании того, что достойна любви и почитания. Умная женщина жестко развеяла мои детские грезы и помогла вовремя повзрослеть. Неоценимый подарок.

— Гинька, возьми меня с собой! — выпалила на одном дыхании Людя, я даже опомниться не успела. — Пожалуйста!

Могила под нее сама подстроится, это точно.

Судьба у Люди не то что горькая, но достойна хорошей слезливой бардовской песни. Ее родители-купцы были людьми богатыми и состоятельными, а Людвика являлась единственной дочкой, которая после их смерти все наследовала. Жилось ей при родителях хорошо и вольготно: мамки, няньки, вишенки в меду, пряники в глазури. Только так вышло, что родителей Люди не стало до ее совершеннолетия, и все на-

следство отошло в распоряжение опекуна — какого-то дальнего родственника. Опекун этот, по словам Люди, из самых лучших побуждений вознамерился выдать ее замуж, а за отсутствием достойных такой чести кандидатов решил, что наилучшая партия для девушки-сироты он сам. Людя такому решению воспротивилась. Только кто бы ее слушал, пигалицу-желторотую! Няньки, купленные новоиспеченным женихом и по совместительству опекуном, заперли Людю в покоях и охраняли денно и нощно, глаз не спуская с подопечной. Однако Людя не была бы Людей, если бы не сделала по-своему. Подкупив одну из нянек припрятанными коралловыми бусами — больше ничего не было: «жених» все изъял у непокорной невесты до дня свадьбы, — Людя ночью сбежала в нашу обитель, благо жила она недалеко, в соседнем селении. Вайдил с вайделой посоветовались и решили: отчего бы деве да не помочь, раз такая ситуация с ней приключилась? И все было бы не так уж плохо, если бы к тому времени самой Люде не исполнилось шестнадцать лет, и она не привыкла к той сытой и легкой жизни, которая была у нее при родителях. Вот и выходило, что Людя сильно отличалась от нас всех своим бурным нравом и непокорным характером. Ситуация усугублялась еще и тем, что уж больно нравилось купеческой дочери внимание, проявляемое к ней противоположным полом. Мы-то все тоже отнюдь не были покорными овцами, как нас любила называть Людя, но хулиганили в основном по мелочи, не переходя границ. Могли натаскать в карманах фруктов, благо льняная хламида позволяла, потом собраться ночью в чьей-нибудь келье, пока наставницы не видят. Могли попугать наставниц, скрипя балками на чердаке, или прикинуться привидениями, натянув на голову белые простыни. А вот для Людвики — это все были детские шалости, скучные и унылые. Куда веселее сбежать ночью на свидание с деревенским парнем или выпросить у него в подарок конфеты. И ведь не понимала же, глупая, что ходит по краю, острому, как армирская бритва, и рано или поздно за конфеты кто-то потребует плату. Только Людю переубедить было сложно. Так и жила она своим умом в ожидании совершеннолетия, чтобы вернуться в отчий дом и забрать то, что ей причиталось по праву.

— Какое поручение ко мне у вайдила Фьерна? — кисло спросила я, а то, если не напомнить, вряд ли бывшая купеческая дочка скажет, что хотела мне передать.

— А, это. — Людя отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. — Сказал, чтобы в прыдок себя привела, умылась, переделалась и через час была готова к отъезду.

У меня упало сердце. Да как же так? Я ведь ясно дала понять, что никуда ехать не хочу.

— Не кисни, Гинька, — снова встрепенулась Людя. — Попроси этого своего родственника взять и меня с собой.

Может, уговорить Легарта записать ее в королевские избраницы? А что, чем не невеста — избалованная, упрямая, хитрая и изворотливая. Других при дворе не водится. Людя даже руки сложила перед собой в молящем жесте, только на колени не встала. Я самой Пречистой Живой себя почувствовала. Но легче от этого не стало.

— Зачем тебе это, Людя? И кем ты при мне будешь?

— Как кем? — возмутилась нерадивая дева. — Твоей комнатной девицей конечно же!

У меня глаза полезли на лоб, а челюсть ударилась об пол с громким звоном.

— Ты? И комнатной девицей? — Не выдержав, я расхохоталась. — Людя, честное слово, не смехи. Ты за все время в обители ни одного поручения как следует не выполнила, а тут — собираешься стать горничной. Ты вообще хоть представляешь, что это такое?

— П-фф, — только и фыркнула моя собеседница и, подбоченясь, нравоучительно заметила: — Видно, что книжек ты читала много, да не тех. Комнатная служилая девица по рангу выше остальной прислуги, а переодевальщица невесты короля...

— Я не невеста короля, — решила прояснить этот момент сразу, чтобы ни для кого потом неприятных сюрпризов не было.

— Не перебивай, — опять отмахнулась от меня Людвика. — Я все продумала, у меня даже план имеется.

Воистину! Вот кого на самом деле должен был назвать оракул в числе возможных кандидаток в жены короля! С такой королевой не то что король, все королевское имущество зазря не пропадет! Пока я тут страдала и предавалась унынию, Людя уже на всю жизнь планы разработала. Быстро, однако.

— Невеста ты или нет, — категорически заявила она, — но это тебе не купеческий извод. Как твоя служащая я тоже буду иметь доступ в высший свет.

Весьма ограниченный, надо сказать, но я решила не разбивать ее мечты с маху, пусть потешится — это продлится недолго. А сейчас надо выслушать деву до конца — не каждый день со мною делятся планами относительно своего будущего.

— Мне много не надо, — продолжала рассуждать как ни в чем не бывало Людя. — Достаточно и какого-нибудь мелкопоместного дворянчика из младшего Дома, можно с прохуdivшимся кошельком.

Очаровательно.

О том, что мелкопоместный дворянчик из младшего Дома с прохуdivшимся кошельком в ее сторону даже не плюнет, я благоразумно промолчала. Разве что в услужение другому роду ее позовут, но что-то подсказывало — такой вариант развития событий Людю не устроит. Да-а, амбиции, конечно, заоблачные. Куда уж мне со своими мечтами о тихой и спокойной жизни девы-целительницы, истинной дочери Живы. Тут такие прожекты колоссальных размахов!

— Людя, — осторожно сказала я. — А с чего ты решила, что этот самый мелкопоместный бедняк-дворянин на тебе женится?

— Ты, моя дорогая, слишком плоско мыслишь.

Я в этом даже не сомневалась.

— Видишь ли, мои родители были богаты, даже очень. — Последние слова она выделила с особой тщательностью. — А я их единственная наследница. В конце концов, я ведь не дура и понимаю, что за мои красивые глаза на мне никто не женится, а вот при наличии большого состояния...

Тут она многозначительно посмотрела на меня. Нет, это надо прекращать, а то скоро окажется, что, помимо богатства, у нее и заваливший баронет в родне имеется.

— Послушай, Людя, — я постаралась говорить без насмешки. — Почему ты думаешь, что твое богатство еще существует в природе?

И, не дав ей возможности возразить, продолжила:

— Придя в монастырь, ты развязала руки своему жениху-опекуну, и он, скорее всего, все твои деньги давно пустил по ветру.

Я встала и подошла к девушке.

— С чего ты вообще взяла, — сказала, стараясь не смотреть ей в глаза, — что даже самый никчемный дворянин женится на горничной, пусть и королевской невесты?

На этот раз Люде нечего было возразить.

— Ты даже не представляешь, какими высокомерными могут быть самые нищие представители дворянства. — В моем голосе стали нарастать уверенные нотки. — А если бы тебе и правда улыбнулась удача, и ты вышла замуж за одного такого дворянина, тебя все равно тыкали бы носом в твоё происхождение. Людя, ты не представляешь, насколько этот мир грязен и жалок!

— Но, Гинта, здесь еще хуже. — Вид у девушки стал несчастным. — Тут со скуки помереть можно!

— А там, думаешь, будет весело, если помирать придется по более веским причинам? — насмешливо спросила я. — Максимум, чего ты добьешься — это статуса любовницы какого-нибудь лорда. Тебя используют, как половую тряпку, а потом выбросят, когда найдут замену. А что ждет тебя потом?

На этот раз я посмотрела ей в глаза и добавила:

— Публичный дом.

Людя вздрогнула, а мне стало гадко от своих слов, но я решила бить до конца, решила быть неумолимой:

— Таких, как ты, самоуверенных и глупых, полно везде. Только потом, увы, жизнь все ставит по своим местам.

Я когда-то была частью той жизни и многого не понимала. Довелось одним глазом подсмотреть, как бывает на самом деле.

— Почему ты такая упрямая? — В сердцах Людя даже ногой топнула. — Что тебе стоит взять меня с собой? Не подхожу знатной леди даже в горничные?

Я застонала. Даже показалось, что голову очистили от защитных покровов, словно кочан капусты, и оставили мне одну безысходность, словно обскубанную кочерыжку. И кто, спрашивается, из нас двоих такой упрямый?

— Там, при мне, тебе придется нелегко, — сделала я последнюю попытку убедить ее.

— Ты всегда была занудой, но злыдней тебя не назовешь! — Людя уже расплылась в улыбке.

— Ты не поняла. — Я тяжело вздохнула. — Меня ненавидят мои собственные родственники. Я же как на убой еду!

Она пожала плечами.

— Ясное дело, будь ты любимицей, не сидела бы тут в четырех стенах.

— Нет, ты не представляешь, они еще и в бешенство придут, оттого что я теперь, вопреки всему, претендую на то, что-

бы стать персоной особой важности! Мстить будут, и тебе достанется.

— Ты же знаешь: меня обидеть — себе дороже!

Это да. Сразу вспомнился уж в постели наставницы Ингельды и визг на всю обитель, а ведь могла и гадюку подкинуть!

— За что они так с тобой? — из любопытства спросила меня моя будущая переодевальщица.

— За позор Дома Браггитас.

И, глядя в ее непонимающее лицо, я выдохнула:

— Мне неизвестно имя моего отца.

Потом на всякий случай добавила:

— Я бастард.

ГЛАВА 3

Меня усадили на огромного черного жеребца, от одного вида которого у кого угодно начали бы трястись поджилки, задергался левый глаз, а на затылке стали бы шевелиться волосы. Нет, я не суеверна, просто я была на редкость плохой наездницей, и перспектива свернуть шею, упав на полном скаку с такой высоты, меня не радовала. На мой вопрос, почему мне досталось это исчадие ада, кузен отшутился: под стать коню и наездник, а мне, мол, и такой сойдет. Перед тем как сесть, я долго смотрела на зверюгу, а она косила на меня взбудораженный смоляной глаз, с явным чувством превосходства взирая на недостойную, которую придется некоторое время, к величайшему лошадиному разочарованию, носить на себе. Моего мнения, ясное дело, не спрашивали, просто затащили на чудовище, которое начало громко храпеть и мотать головой. Сердце зашлось от ужаса, а ноги онемели и перестали сгибаться в коленках. Но мои чувства не разжалобили страшную скотину, как, впрочем, и лорда Браггитаса. А нетерпеливое подталкивание и шипение Легарта: «Чего ломаешься? Конь как конь!» — привели к головокружению и полной потере ориентации в пространстве. Потом оказалось, что это кузен, зычно крикнув, поднял меня и усадил на опасную верхотуру.

Не то чтобы я не любила животных, но привыкла везде и всюду ходить пешком — видимо сказывалось путешествие до Сунагере, после которого я только в редких и исключительных случаях старалась пользоваться повозкой. Старенькой

повозкой с еще более старенькой и абсолютно неприхотливой лошадкой. А вот ездить верхом меня никто не учил. Поэтому я боялась даже думать о том, что со мной будет к вечеру.

Вот он, первый искус при вступлении в новую жизнь — прогулка верхом. Какие испытания ждут меня впереди, даже предполагать не хочется.

Зато Люде, которая поехала-таки со мной постигать азы придворной жизни и покорять сердца мелкопоместных дворянчиков, досталась вполне приличная лошадка. Серенькая в яблочках. Доселе не известное мне чувство зависти поглотило окаянную душу. А замечания по поводу того, что лучше помянуть нас с Людей местами, были беспардонно проигнорированы бесстыжим кузеном.

— Лорд Браггитас, пожалуйста, — взмолилась я после очередного нервного вздрыга коня-переростка. — Может, никуда не поедем, а? Или найдется другая лошадь, а то эта нервная какая-то.

— Других нет, — безапелляционно отрезал Легарт. — А лошадь нервничает, потому что ты все время дергаешься. Прекрати трепыхаться и доедешь до столицы целой и невредимой!

Когда мы перешли с кузеном на «ты», лично я не помнила, но, судя по его поведению, самого Легарта сей факт беспокоил мало. Или вообще не беспокоил. Новость, что до Дейделиса я буду скакать на дерганом коне, как оголтелая рахана, окончательно вогнала меня в хандру.

— Почему я обязательно должна ехать на этой лошади? — Мои нервы окончательно пошли вразнос. — Почему я вообще должна куда-то ехать, если я этого не хочу...

— Гинь, — мягко произнес кузен и посмотрел мне в глаза. — Потерпи, пожалуйста, так надо.

Затем, коснувшись моих пальцев рукой, затянутой в кожаную перчатку, добавил:

— Скоро сама все узнаешь.

Ну что я могла на это сказать? Смотрел и говорил кузен в извечной своей нагло-снохобительной манере. Мне ничего не оставалось, как успокоиться и замереть в седле подобно каменному святому со стены храма. Вытерплю, решила я: в конце концов, боги здоровьем не обидели. Только в сторону Люди старалась не смотреть, чтобы совсем не впасть в уныние от ее уверенной посадки в седле и бравурно-восторженной блуждающей усмешки.